

„и бысть в вятших свет зол, како побѣти меншии, а князя въвести на своей воли“.¹

Народные массы не оставались безмолвными свидетелями больших политических событий своего времени. Вот почему они помнили о злом тысячом Путяте, двор которого был разграблен в киевское восстание 1113 года. Этот Путята Вышатич под искаженным именем Мышатички Путятина сохранился в русских былинах, как сохранились в них имена защитника новгородских прав Ставра Годиновича и посадника Мишошки.

Чем же объясняется, что соотношение церковной и гражданской литературы, оставшейся от Руси XI—XIII веков, очень невыгодно для последней? Вспомним хотя бы повременный список сочинений X—XI веков, составленный покойным академиком Н. К. Никольским. В нем мы находим главным образом памятники церковной письменности. О них же по преимуществу говорят сочинения по истории древнерусской литературы. Только немногие гражданские произведения — „Слово о полку Игореве“, „Слово Даниила Заточника“, „Слово о погибели Русской земли“, „Поучение Владимира Мономаха“ — возвышаются как отдельные острова среди моря церковной литературы. Да и эти произведения дошли до нас в единственных экземплярах. „Слово о полку Игореве“ погибло или было утеряно в московский пожар 1812 года, списки „Слова Даниила Заточника“ дошли только от сравнительно позднего времени, от XV—XVII веков. „Слово о погибели Русской земли“ было также долгое время известно в единственном списке. Только недавно новый список „Слова о погибели“ обнаружен неутомимым собирателем рукописей В. И. Малышевым. Наконец Поучение Мономаха дошло в единственном и притом дефектном списке.

Конечно, трудно предполагать, что гражданская литература в древней Руси преобладала над литературой церковной. Но были особые условия для гибели памятников гражданской литературы, которые действовали на протяжении ряда веков и которые до сих пор слабо отмечены в нашей исторической литературе. Главными хранителями церковной письменности, как это хорошо известно, были различного рода монастыри. За крепкими стенами этих оплотов феодальной власти хранились большие рукописные богатства, но самые условия монастырской жизни мало способствовали сохранению памятников гражданской литературы. Монастырские библиотеки (Чудова монастыря, Троицко-Сергиева монастыря и пр.) в большом количестве сохраняли различного рода церковные книги и произведения церковных писателей. Гораздо менее тщательно хранились светские произведения (кроме летописей и хронографов). Повидимому, и дошедшие до нас древнерусские сочинения гражданского характера сохранялись только в виде исключения, в том случае если они были объединены в сборнике с каким-нибудь летописцем, хронографом, или с церковными статьями. Рукопись, заключавшая „Слово о полку Игореве“, представляла собою сборник, в который входили хронограф, а также „Временник, еже нарицается летописание Русских князей и земля Русская“. „Поучение Владимира Мономаха“ сохранилось в составе Лаврентьевской летописи. „Слово о погибели Русской земли“ оказалось в соседстве с житием Александра Невского, как это показывают оба его сохранившихся списка. Иными словами, гражданская литература древней Руси сохранялась до нашего

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 81.